

Научная статья

УДК 340.13

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-137-142>

EDN: <https://elibrary.ru/oznngz>

NION: 2003-0059-2/24-011

MOSURED: 77/27-003-2024-02-210

Правовая ценность алармизма как пограничной формы юридически значимого поведения

Виталий Васильевич Оксамытный

Московский университет имени А. С. Грибоедова, Москва, Россия, oksvv@list.ru

Аннотация. В рамках общей оценки правового поведения рассматривается проблема так называемой поведенческой триады в праве. В ее структуру, помимо двух противоположных проявлений — правомерного и противоправного, входит также и пограничное. В его рамках раскрывается такая нетипичная форма, как алармистское поведение, пока еще не нашедшее должного уровня исследования в современной теории права. Алармизм рассматривается как деятельность «на грани», деятельность, которая опережает время, рамки и нормативно-ценностные стандарты официального поведения. Подчеркивается, что алармистское поведение представляет собой общественно значимую, позитивную черту социально-правовой характеристики личности.

Ключевые слова: правовая ценность, юридически значимое поведение, правомерное поведение, противоправное поведение, пограничное поведение, алармизм, алармистское поведение

Для цитирования: Оксамытный В. В. Правовая ценность алармизма как пограничной формы юридически значимого поведения // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 137–142. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-137-142>. EDN: OZNNGZ.

Original article

Legal value of alarmism as a border area of legally relevant behavior

Vitaly V. Oksamytnyi

Moscow State University named after A. S. Griboyedov, Moscow, Russia, oksvv@list.ru

Abstract. As part of the general assessment of legal behavior, the problem of the so-called behavioral triad in law is considered. Its structure, in addition to two opposite manifestations — legitimate and illegal, also includes borderline. It reveals such an atypical form as alarmist behavior, which has not yet found the proper level of research in modern legal theory. Alarmism is considered as an activity «on the edge», an activity that is ahead of time, the framework and normative-value standards of official behavior. It is emphasized that alarmist behavior is a socially significant, positive feature of the socio-legal characteristics of a person.

Keywords: legal value, legally relevant behavior, lawful behavior, illegal behavior, borderline behavior, alarmism, alarmist behavior

For citation: Oksamytnyi V. V. Legal value of alarmism as a border area of legally relevant behavior. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):137–142. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-137-142>. EDN: OZNNGZ.

В юридической науке и практике были и остаются неизменные и непререкаемые постулаты. Но право подвижно, и в нем всегда было место ситуациям и проблемам, в том числе связанных с переносом определенных акцентов в понятийно-категориальном аппарате юриспруденции.

Хотелось бы отойти от вопросов, адекватность ответов на которые не подвергается дискуссиям. Ценность в праве охватывает все, что отнесено к правильному, законосообразному или, другими словами, правопослушному поведению. Действующее

право становится реальностью лишь тогда, когда оно воплощается в совокупности правил поведения, превращается в его определяющую доминанту, осуществляясь в поступках субъектов права. Здесь не возникает сомнений, и можно лишь еще раз подтвердить, что приемлемым для права является правомерное поведение, тогда как противоправное — его антиценность.

В то же время, можно привести различные примеры, связанные с переменной в трактовке давно введенных понятий и определений, они были привычны

© Оксамытный В. В., 2024

слуху в одном понимании, однако теперь мы вкладываем в их название совершенно иную интерпретацию.

В частности, правомерное поведение еще в позапрошлом столетии ассоциировалось с *поведением, измеряемым правом*, т. е. охватывало все *юридически значимое поведение*. Со временем такое название переносится лишь на *деяния, соответствующие правовым требованиям*. Общеизвестное ныне закрепление термина «правомерное» за массивом требуемого правовыми нормами поведения, вполне возможно претерпит эволюционные изменения в обозримом будущем. Целесообразным видится и применение иной терминологии, подчеркивающей, в частности, прямую зависимость поведения от закона, должного править в правовом государстве.

Показательным видится в этой связи выделение в правовом поведении двух классических его вариантов — социально полезного (правомерного) и социально вредного (противоправного), которое также проходит через призму меняющейся правовой реальности.

Так, в правовой истории долгое время *дозволенность злоупотребления правом* рассматривалась действующим принципом права. В римском праве сохранялась юридическая презумпция, изложенная Гаем: «*Никто не считается злоумышленником, если он пользуется своим правом*». Но уже во времена Византии *законом Юстиниана* было запрещено собственникам городских участков в Константинополе возводить высокие стены для того, чтобы *лишить других домохозяев морского вида*. Позднее в гражданском праве закрепляется *шикана* — институт недопустимости злоупотребления правом, суть которого: *не следует поощрять действия, совершенные с целью причинить вред другому лицу*. Ныне общепризнанным является отношение к злоупотреблению правом как *особому виду правового поведения*, которое состоит в использовании гражданами своих прав способами, противоречащими назначению права, в результате чего наносится ущерб (вред) личности, обществу и государству.

В рамках исследования правовой ценности юридически значимого поведения заметно обращение к проблеме так называемой *поведенческой триады*, которая, судя уже по названию, шире своих основных противоположностей

В ее структуру логично входит и поведение, которое называют *пограничным* (или *промежуточным*,

переходным, «*юридически нейтральным*» или, если обратиться к зарубежным источникам, *транзитным*). Правильнее определить поведение, которое не вписывается в нормативно-ценностные стандарты и стереотипы так называемого цивилизованного общества, как *нетипичное правовое* [см., в частности, исследования на уровне докторских диссертаций: 4; 9; 10]. Эти поведенческие проявления разнородны, их правовая антиценность для общества далеко не всегда рассматривалась и раскрывается в настоящее время столь однозначно. К ним в настоящее время относят, в частности:

♦ *социально вредное поведение*, осуществляемое в рамках правовых норм (таким рассматривается, например, *злоупотребление правом*, когда субъект, действуя в пределах правовых дозволений, совершает поступки, вступающие в противоречие с социальным назначением права);

♦ *виктимное поведение* как отклоняющееся от правил безопасности жизнедеятельности человека, которое приводит его к повышенной уязвимости как возможно потенциальной жертвы правонарушителя;

♦ *объективно-противоправное невиновное поведение*, в котором отсутствует общественная вредность деяния; к нему относят действие, нарушающее нормы права, но не наносящее при этом вреда (противоправное деяние недееспособного лица и безвиновное действие). Оно не является правонарушением, ибо здесь отсутствует важный признак — общественная вредность (дееспособность субъекта, его вина);

♦ *действия в обход закона* как, в частности, сделки, являющиеся сами по себе не противозаконными, но заведомо направленными к достижению результатов, не допускаемых законом. Такое деяние относят к самостоятельному виду недобросовестного поведения [2, с. 387–396]. В международном частном праве обход закона (*fraude à la loi*) рассматривается ситуацией, «при которой стороны, желая избежать применения неудобной, с их точки зрения, нормы национального права, своими действиями создают фактический состав, при котором право другого государства, содержащее более выгодные для сторон нормы, будет применимым к их правоотношению» [3, с. 127].

♦ *поведение вследствие правовой ошибки* как поведение лица в силу неверного представления о действительном (истинном) юридическом или фактическом характере (свойствах) деяния и его последствий;

♦ *поведение лиц, отбывающих наказание*, когда оно представляет собой разновидность особого правового статуса, в свою очередь, подразделяемого на правовые статусы лиц, отбывающих различные виды наказаний (лишение свободы, исправительные работы и т. д.). В нормах гражданского, трудового, брачно-семейного права имеются положения, ограничивающие права и свободы осужденных граждан;

♦ *посткриминальное поведение*, т. е. непроступное поведение после окончания этапа исполнения решения о совершении деяния до момента возникновения механизма нового преступления, либо до момента его изобличения или добровольного отказа от преступления, или же до того момента, когда субъект перестанет опасаться последствий совершенного им деяния и перестанет задумываться о его последствиях, либо до истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

В число нетипичных форм, на наш взгляд, вписывается и *алармистское поведение*, пока еще не нашедшее должного уровня изучения. Отношение к алармизму как социально-правовому явлению также проходило разные фазы внимания, на что уже обращалось автором внимание в ряде предыдущих публикаций, затрагивающих тему нетипичных форм правового поведения [6; 7; 8].

На одной из недавних международных конференций, посвященных рассмотрению факторов близости и различий советского правоведения и современной отечественной теории права, авторское выступление было посвящено категории «правомерность» [5]. Алармизм был затронут в качестве примера в развитии проблемы «пограничных зон» в правовом поведении, но именно это понятие получило наибольшее число вопросов и замечаний. Прослеживается явное недопонимание сути алармистского поведения, мешают определенные шоры, привычные оценки, которые окружают такое явление. Что и послужило стимулом для специального и более подробного анализа затронутого юридического феномена.

Как уже было сказано, не всегда первоначальное название термина определяет его сущность, но зачастую именно остается с ним надолго, нередко (зачастую) препятствует каким-либо изменениям либо уточнениям в сложившемся понимании явления, его современным интерпретациям. Вспомним, например, происхождение и использование таких

мультиаспектных понятий, как *комиссия*, *декларация* или *дуализм* в общей юридической теории, в государственном и отраслях современного права.

В этом отношении «не повезло» алармизму. Его название прочно вошло в понятийный ряд, связывающий термин с *паникой*, *истерическим настроением*, *неоправданной тревогой* и т. п.

Справочные издания, как традиционные, так и электронные, определяли, да и сейчас склонны к выделению алармизма как *неодобрительной склонности к распространению тревожных (чаще необоснованных) слухов и настроений* либо как умонастроение, которое характеризуется упомянутой тревогой.

В психологии алармизм продолжают рассматривать как тревожное или паническое эмоциональное состояние, являющееся негативной реакцией человека или группы людей на положение дел в настоящем и будущие перспективы.

В научной среде алармизмом чаще всего называют течение, которое концентрирует внимание людей на их разрушительном воздействии на природу и экологию.

Однако, в ходу понятия не только «*экологического*», «*парникового*», «*климатического*» «*зеленого*» алармизма; в последнее время проявляют себя и те, кто выводят и обосновывают «*либеральный*», «*антропологический*», «*медицинский*», «*финансовый*» и даже «*интеллектуальный*» алармизм... Так, в средствах массовой информации находим следующие сочетания и заголовки: «Очередной алармизм на тему искусственного интеллекта», «Коронавирус: источники, причины и следствия алармизма», «Алармистские сценарии будущего», «Правительство не нашло повода для алармизма из-за ослабления курса рубля» и т. п.

А собственно алармист трактуется все еще по Далю, который в позапрошлом столетии в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» рассматривал такое лицо, как человека, «который все государственные и народные события гласно и шумно толкует в дурную сторону, пророча беду и тревожа этим общество» [1]. Алармизм — стало быть, это *чрезмерная тревожность*, реакция человека на происходящие вокруг него *негативные события или прогнозы*. Алармисты — это «*всепопальщики*», «*паникеры*» или люди, которым присущ страх перед будущим, они видят лишь трагический сценарий для человечества.

Таким образом, все еще сохраняется отношение к алармисту как лицу, *поднимающему тревогу без достаточных на то оснований*, склонному к панике, распространяющему необоснованные или ложные и вредные слухи, которые вызывают тревожные настроения.

Тем не менее, алармизм упоминается информационным носителем и иных явлений в обществе, в том числе вписывающихся в проблему ценностей в праве. Попробуем сделать еще одну попытку реабилитировать явление, присущее правовой реальности, внести иные точки сопоставления, дать объективную характеристику.

Итак, алармизм традиционно рассматривают как деятельность на грани, деятельность, которая на данном этапе не вписывается в рамки и стандарты официального поведения. Алармизм в историческом аспекте нарушает установленные «правила игры». И, соответственно, получает оценку как «ересь», «протестантизм», «инакомыслие», «вольнодумство», «неофициальная активность», в общем как «отступление от общепринятых границ допустимости».

Но обе противоположные пограничные сферы поведения (правомерная и противоправная) объединяются первоначальным неприятием самой терминологии, положенной в суть таких явлений. Алармизм в современном к нему отношении переживает примерно такие перфомансы: от полного либо частичного непризнания терминологии и до рассмотрения лишь в качестве констатации тревожного состояния его обладателя.

Тем не менее, опыт проводимых в разных странах социально-правовых исследований показывает, что односторонний негативный подход к этому явлению меняется, и перемены явно происходят в позитивную сторону. Алармистское поведение, находясь, по оценке исследователей, на грани позитивного, представляет собой общественно значимую и позитивную черту социально-правовой характеристики личности.

Что имеется в виду? Сторонниками иного, более широкого подхода небезосновательно обращается внимание на то, что само понятие должно выводиться не столько из «*умонастроения, порожденного тревогой*» (как отмечено Далем), но и из понимания действий, определяемых терминами «*волновать*», «*давать сигнал к чему-либо*», «*будить*», «*будоражить*». Побуждать других к общественно необходи-

мой деятельности, которая на начальном этапе не обладает одобрительной оценкой большей части общества и официоза, а тем более не пользуется широкой поддержкой масс.

Небольшой экскурс в отечественную историю. До недавнего времени мы свыкались с ложно понимаемыми социальными приоритетами и ценностями, требовавшими непременно и во всем официозного единомыслия, и парадного, декларированного единства. На практике такой подход создавал особый тип личности, наделенной чертами «патриотического конформизма». Последний основывался на, якобы, безраздельно разделяемыми всеми без исключения единообразии мнений, суждений и действий, на некритическом отношении к государственно-правовым реальностям. Этот тип навязывался всему обществу под видом идеала как четко «знающего свое место», активно одобряющего все решения, постановления и инструкции.

Поощрялась организованная активность, объемы которой приближались к общему количеству взрослого населения, а ее показатели основывались на числе избирателей, единодушно голосовавших за «единый блок коммунистов и беспартийных», а также на огромных цифрах членов массовых организаций, законодательно закрепленных в тексте Конституции СССР, на числе общественных «нагрузок» и поручений у членов трудовых коллективов. Этот вариант социального управления предполагал отсутствие самостоятельности, которая рассматривалась как фактор социально-правовой нестабильности.

Общественная активность, в основе которой лежала самостоятельная гражданская и нравственная позиция, противопоставленная господствующему конформизму и нарушающая «правила игры», рассчитанная на молчаливое большинство, объявлялась в таких условиях прямым следствием «игнорирования общественных интересов», «покушением на свободу всех других членов общества». Инакомыслие как образ мыслей и тип нестандартного поведения было «общественно нежелательным», а потому преследовалось. Что, в свою очередь, было одной из причин собственного нежелания правдиво высказывать свои мысли и убеждения, проявлять искренность, инициативу и неформальную самостоятельность в поступках.

Поведение, подталкиваемое «вольнодумными» побуждениями, с позиций сегодняшнего дня не

может рассматриваться как «необоснованное». Однако его носитель нередко опережает свое время, пытается привлечь внимание окружающих и общества на моменты, явления и проблемы, которые, оказывается, можно решить (или хотя бы постараться это сделать).

Но подобные активные поступки, далеко не всегда одобряемые и поддерживаемые обществом, находятся на грани допустимого и могут выходить за пределы формально дозволенного. Ведь и сама характеристика такого социального явления в современной жизни (как *основанная на мотивированном риске социально полезная деятельность, субъекты которой предполагают (или должны предполагать) возможность наступления за нее неблагоприятных последствий*) не содержит его однозначной поддержки.

А нередко и сами исполнители дают поводы к их неоднозначному оцениванию. Вспомним диссидентов, «отказников», политизированных активистов «движения за права человека» и т. п. В связи с этим, вряд ли, например, стоит выдавать за проявление опережающего поведения поступки тех, кто пытается «волновать» окружающих и общество, по большому счету, лишь в целях саморекламы. Они пытаются выдать такой пиар за особое проявление активности в общественно полезных целях. Примеров тому в современной жизни более чем достаточно.

В силу такой неоднозначности возникают вопросы, которые касаются критериев социальной полезности действий, обоснованности самих мотивов, внешней правомерности поступков. Надеемся, что те, кого такая проблематика интересует, как раз и обратятся к подобным вопросам с большей степенью аргументированности.

Примеры в ту или иную сторону могут быть различными как по содержанию, так и по внешнему оформлению. Но в массе своей такая активность — это *гражданское общество в действии*. Политический, интеллектуальный, нравственный облик человека, его желание и способность к переменам, гражданская позиция все более очевидно становятся решающим условием формирования и развития новой российской государственности, залогом успешного хода преобразований в обществе. И потому столь актуальны сегодня проблемы преодоления социальной апатии, гражданской аморфности, инерции мышления и поведения людей, стимулирования их инициативности и социально-правовой самостоятельности.

Новые социально-политические реалии современной жизни, поворот к гражданскому обществу и задачам формирования правового государства, которые основываются, прежде всего, на свободе усмотрения, свободе выбора поведения в рамках закона, заставляют пересматривать прежние стереотипы государственно-властных структур общения с массами, избавляться от боязни проявления в обществе несанкционированных инициатив.

Обоснованным напрашивается закономерный вывод: «алармисты», во-многом «будоража» окружающих своими поступками, необходимы современному обществу. Поскольку их активность — это опережающее поведение тех, кто, рискуя, ранее других, стал действовать.

Список источников

1. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. М. : АСТ, 2023.
2. Зубарева Д. А. Обход закона : правовая квалификация // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 387–396.
3. Канашевский В. А. Международное частное право : учебник. М. : Междунар. отношения, 2019.
4. Малиновский А. А. Злоупотребление правом как юридический феномен : дисс. ... докт. юрид. наук. М. : МГИМО, 2009.
5. Оксамытный В. В. Категория «правомерность» в советской и современной отечественной теории права : схожесть и различия в понимании и границах : мат. XVII междунар. науч. конф. «Советская теория права и современное российское правоведение : преемственность и инновации» // Вестник Ивановского госуниверситета. Серия «Естественные и общественные науки». 2023. Вып. 4. С. 72–79.
6. Оксамытный В. В. Поведенческие аспекты в системе оценок механизма правового регулирования // Механизм правового регулирования: история и современность. V Алексеевские чтения. Ч. 1. Екатеринбург : УГЮУ, 2019. С. 63–70.
7. Оксамытный В. В. Проблемы проявления правовой культуры в юридически значимом поведении // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 221–226.
8. Оксамытный В. В. Риски в праве : временные координаты в контексте алармистского поведения // Юридическая техника. Ежегодник. № 13. Риски в законотворчестве, правореализации, юридической

науке: техника формирования и функционирования системы управления. Нижний Новгород : НГА МВД России, 2019. С. 262–265.

9. Степаненко Р. Ф. Общеправовая теория маргинальности : дисс. ... докт. юрид. наук. Казань : К (П) ФУ, 2015.

10. Хужин А. М. Невинное поведение в праве (общетеоретический аспект) : дисс. ... докт. юрид. наук. Нижний Новгород : НГА МВД России, 2013.

References

1. Dal V. I. Explanatory dictionary of the Russian language. M. : AST, 2023.

2. Zubareva D. A. Circumvention of the law : legal qualification // Issues of Russian justice. 2019. No. 3. P. 387–396.

3. Kanashevsky V. A. International private law : textbook. M. : International. relations, 2019.

4. Malinovsky A. A. Abuse of law as a legal phenomenon : diss. ... doct. Jurid. M. : MGIMO, 2009.

5. Oksamytnyi V. V. The category of «legality» in the Soviet and modern domestic theory of law : similarities and differences in understanding and boundaries : mat. XVII International Scientific Conference «Soviet theory of law and modern Russian jurisprudence : continuity

and innovations» // Bulletin of the Ivanovo State University. The series «Natural and Social Sciences». 2023. Issue 4. P. 72–79.

6. Oksamytnyi V. V. Behavioral aspects in the evaluation system of the mechanism of legal regulation // The mechanism of legal regulation: history and modernity. V. Alekseev readings. Part 1. Ekaterinburg : UGYUU, 2019. P. 63–70.

7. Oksamytnyi V. V. Problems of manifestation of legal culture in legally significant behavior // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 6. P. 221–226.

8. Oksamytnyi V. V. Risks in law : time coordinates in the context of alarmist behavior // Legal technique. The yearbook. № 13. Risks in lawmaking, legal realization, and legal science : techniques for the formation and functioning of a management system. Nizhny Novgorod : NGA of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. P. 262–265.

9. Stepanenko R. F. General legal theory of marginality : diss. ... doct. Jurid. sciences. Kazan : K (P) FU, 2015.

10. Khuzhin A. M. Innocent behavior in law (general theoretical aspect): diss. ... doct. Jurid. sciences. Nizhny Novgorod : NGA of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013.

Информация об авторе

В. В. Оксамытный — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Московского университета имени А. С. Грибоедова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

V. V. Oksamytnyi — Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Moscow State University named after A. S. Griboyedov, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 07.02.2024; одобрена после рецензирования 19.03.2024; принята к публикации 05.04.2024.

The article was submitted 07.02.2024; approved after reviewing 19.03.2024; accepted for publication 05.04.2024.